

ТАТЬЯНА ВИЛЬДАНОВА
**ПАРАДОКС
ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ
ПРЯМЫХ**
КНИГА **ПРЯМЫХ**
ВТОРАЯ

Татьяна Вильданова

**Парадокс параллельных
прямых. Книга вторая**

«Accent Graphics communications»

2014

Вильданова Т.

Парадокс параллельных прямых. Книга вторая / Т. Вильданова — «Accent Graphics communications», 2014

1945 год. Доре приезжает за Этьеной в деревню и узнает, что после болезни она потеряла память. Утром он собирается увезти её в Париж, а вечером... Вечером их пытается убить неизвестное существо. Покушение не удаётся, но, благодаря ему, девушка приходит в себя. Спасаясь от неизвестного убийцы, она проводит Доре в капсулу времени. Теперь выясняется, что она – хронолог-разведчик из далекого будущего. Узнав, что она болела полтора года, Этьена решает спрятать свои чувства и вести себя только как друг. Доре, видя это, решает, что он ей безразличен. Теперь их объединяет только общая необходимость спрятаться от охотящегося за ними внеземного бандита (атавары) а также найти его хозяина. Ради этого они укрываются в другом временном периоде. 1830 год. Париж. Этьена и Доре живут под видом графа и графини де Верней. Пока Доре знакомится с жизнью города, Этьена пытается выяснить хозяина напавшего на них атавары. Видя, что она часто исчезает, Доре начинает ревновать её к случайно встреченному человеку. Этим он привлекает к ней его внимание. Мужчина (виконт де Отрей) пытается завязать с ней роман, но получает жесткий отпор. Кроме того, осатаневший от ревности Доре вызывает его на дуэль и ранит. После дуэли между ним и Этьеной вспыхивает скандал, в результате которого он пытается уйти из дома, а девушка выскакивает за ним и попадает под колеса коляски. Ночью раненая Этьена исчезает. Доре вынужден обратиться в полицию. Кроме того, опасаясь, что похищение организовано местными бандитами, он обращается к частному сыщику. Но, после того как полиция обвиняет в похищении его, вынужден бежать. В капсуле времени он выясняет, что Этьена находится во Франции 1388 года и отправляется следом. Будущее. Итак, похищение организовал Калау, который хочет добиться от Этьены помощи в проникновении в недоступные временные периоды земной истории. Этьене удается обмануть его и сбежать в 1388 год. Она уверена, что Калау психически ненормален и нуждается в лечении. 1388 год. Ради встречи со своим другом и коллегой Хенком Этьена пересекает воюющую страну. По

дороге её захватывают в плен солдаты барона де Лернея. Чтобы сбежать, она вынуждена взорвать пороховой погреб в замке. Здесь же её нагоняет Доре и его новые друзья (бродячие акробаты). Позже на них нападают бандиты, которых разгоняет отряд под командованием Хенка (в это время барона де Гонкура). При встрече Этьена видит, что с психикой Хенка тоже что-то не так. Она пытается разобраться, но Хенк начинает вести себя настолько агрессивно, что ей приходится бежать. В это же время Доре, приревновав её к Хенку, тоже уезжает. Желая убедиться, что Доре, действительно, уйдет с уровня, Этьена посылает за ним Жерома (одного из акробатов), а сама остается следить за Хенком. В дороге Доре решает прежде, чем уйти, расквитаться с Хенком и возвращается. Но, вместо дуэли оказывается в пыточном подвале, откуда его вытаскивает Этьена. После этого Доре, смирившись с мыслью, что она любит не его, а Хенка, решает помогать ей, пока это необходимо, а потом уйти. Вслед за Хенком они переезжают из города в город. Однажды, войдя в состояние ясновидения, Этьена видит Доре мертвым. После этого она решает вывести его из игры.

© Вильданова Т., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
1	7
2	8
3	9
4	11
Глава 2	15
1	15
2	19
3	22
4	24
5	26
Часть вторая	30
Глава 1	30
1	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Вильданова

Парадокс параллельных прямых. Книга вторая

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

Глава 1

1

Закончилась зима. А вместе с ней и война.

Первая послевоенная весна хмельным угаром расплескалась по ещё ярко-зеленым полям и виноградникам.

Лавина американского джаза и гнусавой английской речи обрушилась на города, городки и просто привокзальные площади, где ошалелые от победы союзники танцевали со ставшими поголовно очаровательными француженками.

А над всей англоязычной какофонией несся сильный и упругий, как наполненный ветром парус, хрипловато-завораживающий голос Эдит Пиаф.

Вокзалы были переполнены. Сорванные войной с родных мест люди, как перелетные птицы, устремились домой. Ехали на всем, что могло хоть как-то везти.

Места в вагоне пронумеровывались чисто условно, потому что люди сидели плечом к плечу, тесно заполняя всё пространство от подножки до подножки.

Жана притиснули к самому окну.

«Жерве... – мимо проскочил мост, – ...Жер-ве, Жер-ве, Жер-ве...» – выстукивали колеса.

В вагоне становилось душновато.

Доре распахнул куртку, расстегнул ворот рубашки.

– Разрешите.

Он передвинул в сторону чью-то дорожную сумку, открыл окно и высунулся наружу. Пахнувший паровозным дымом ветер растрепал его волосы, дохнул в лицо ещё почти неошутимым запахом моря.

Под курткой четко обрисовался пистолет.

– Вы воевали? – увидев оружие, спросила сидящая напротив пожилая женщина.

– Да, – одернув куртку, сел на место Доре.

– Мой муж тоже... он ушел к макам год назад... – начала и тоскливо замолчала она.

– Он вернется, – уверенно успокоил её Доре, – обязательно. Сейчас все возвращаются.

– Да! – согласно закивала она, – обязательно вернется! Вот я и тороплюсь приехать домой раньше него...

Ещё достаточно молодая, но рано поблекшая, она продолжала что-то рассказывать, совала ему в руки крохотную фотографию темноволосого мужчины...

Кажется, он даже взял фотографию в руки, возможно, что-то ответил. Даже наверняка, ответил, потому что она благодарно улыбнулась и нежно погладила фотографию пальцами.

«А ты?.. Ждешь ли?.. Вдруг умчалась куда-то?.. Полтора года... Дождись меня, пожалуйста», – словно наяву увидев колдовские голубые глаза, мысленно взмолился Доре.

Почти издыхая от непомерного напряжения, поезд всё-таки дотащил себя до разбитого, невероятно грязного вокзала, где и выплеснул на перрон невообразимую мешанину людей, мешков, сумок и чемоданов.

Потом он долго трясся на телеге, доверху загруженной пустыми боченками.

– Здесь у нас спокойно, – для порядка пошевеливая вожжами, громко разглагольствовал везущий его старик, – что при немцах, что сейчас. Только обезлюдело всё... В Жерве-то и

вовсе одни Матюрины остались... Ну, ничего, теперь люди вернуться, опять в море выходить будут... – возница указал кнутом в сторону моря, – вон там их хозяйство, прямо через виноградник.

– Спасибо, – Жан соскочил с телеги, забрал мешок, крепко пожал старику руку, – спасибо, отец, дальше я сам.

– Счастливо, сынок... ты к знакомым или как?...

– К невесте, отец, к невесте!

– Ну, удачи, сынок!

Жан вскинул на плечо сумку и быстрым скользящим шагом нырнул в виноградник.

«Значит, одна дождалась-таки, – старик поудобнее перехватил вожжи, – дай бог, и моя внучка дождетя.»

– Но, пошла, родимая!

2

Виноградник закончился крутым обрывом.

А там, на белесом валуне, спокойно сложив на коленях руки, сидела и смотрела в море Этьена.

Жан задохнулся и замер.

Вечернее солнце било в спину, высекая из её отросших каштановых волос ярко-рыжие искры.

– Этьена, – ещё не веря себе, шепотом позвал Жан. Девушка чуть качнулась и опять замерла, – Этьена!

Девушка повернула к нему голову, спокойно и доброжелательно улыбнулась.

– Салют, как дела? – равнодушные глаза скользнули по его лицу, – ты кого-то ищешь?

Спросив, она спокойно ждала ответа.

Доре судорожно сглотнул.

– Этьена...

– Меня зовут Антуанетта, – спокойно поправила она, – ты пришел к Николаю?

– Что? – растерялся Доре, – какой Николай?! Ты разве не узнаешь меня?...

– Нет, – все также равнодушно произнесла Этьена, – мы знакомы?

– Да! – изумленно подтвердил Доре, – ты разве не помнишь?! Но ты не можешь не помнить! Ты же Этьена?! – не зная, что сказать, шагнул к ней мужчина, – ты жила в Париже...

– Я – Антуанетта, – откачнулась от него Этьена, – и если ты пришел к Николаю?..

– Я пришел к тебе!..

– Нет, – соскочив с камня, скользнула на тропу Этьена.

– Подожди! – в полной растерянности рванулся за ней Доре, – почему ты убегаешь?!

– Николай не разрешает мне ни с кем разговаривать, – поворачиваясь к нему спиной, объяснила она.

– Но, я... Да! – видя, что она уходит, закричал Доре, – я пришел к Николаю!

– Да? – обернулась к нему Этьена, – тогда пойдём. Сегодня красивый закат, правда?

– Да-а...

«Но ведь это же она! Она!! – не понимая, отказываясь что-либо понимать, он только смотрел, выискивал в лице этой незнакомки хоть что-то, что отличало бы её от... – она»!! – узнавая каждую черточку её лица, чуть не закричал Доре.

– Этьена... – догнав, попытался схватить её за руку Доре.

– Я – Антуанетта, – проворно спрятав руки за спину, строго поправила его Этьена, – а глупостей я не люблю... – в её голосе проскользнуло беспокойство, – тебе ведь нужен Николай?

– Да, – опустил руку Доре, – мне нужен Николай.

– Он в сарае, – махнув рукой в сторону усадьбы, Этьена развернулась и быстро пошла, почти побежала по дорожке обратно к обрыву.

«Она не могла!.. Не могла... Бред какой-то! – шагая по дорожке к темной массе сарая, попытался разобраться мужчина, – именно, бред»...

– Эй! – из темноты сарая вынырнула коренастая фигура пожилого мужчины, – вы ко мне?

Не дожидаясь ответа, мужчина вытер руки тряпкой, после чего плотно притворил за собой дверь, подошел и протянул руку:

– Николя Матюрин...

– Жан Доре, – машинально пожал руку Доре, – что с ней?

– Вы ко мне или...

– Я приехал за ней.

– Пошли, – Матюрин подтолкнул Доре к двери дома, – вам не мешало бы выпить.

В большой комнате, служившей, по-видимому, и столовой и кухней, старик неторопливо снял с полки бутылку, налил две кружки вина.

– Пей. Откуда ты её знаешь? – дождавшись, пока Жан выпьет, спросил он.

– Что случилось? – поставив пустую кружку на стол, поднял на него глаза Доре, – она не могла меня не узнать!

– Она никого не узнает.

– Что?...

– Садись, – сев за стол, кивнул на соседний стул мужчина, – ты ей кто?

– Муж, – тоже сев, выдохнул Доре, – я воевал, потом... – бестолково попытался что-то объяснить он, – что с ней?

– Она ведь болела... – осторожно начал мужчина, – когда её привезли, она очень долго как будто спала, потом пришла в себя, но ничего не помнила и не понимала, потом стала понимать, только она всё равно ничего не помнит. И живет, словно во сне.

– Все полтора года?! – задохнулся Доре.

– Да.

– Но это невозможно!..

– Я понимаю, – вздохнул Матюрин, – мы-то с женой уже привыкли. Антуанетту здесь считают нашей племянницей. В хорошую погоду она всегда уходит на обрыв, сидит там и смотрит на море. Сначала мы за ней приглядывали, но у нас безлюдно, обижать её некому... – он внимательно посмотрел на Жана, – что ты собираешься делать?

– Увезти её в Париж и лечить!

– Да, – кивнул Никола, – здесь у нас какое лечение... на всю округу один врач, да и тот ветеринар... Ты поживи у нас несколько дней, – сочувственно глядя на него, предложил он, – пусть Антуанетта привыкнет к тебе, а там я вас отвезу.

– Хорошо. Я пойду к ней, – поднялся Доре.

– Иди, – тоже поднимаясь, согласился мужчина, – обедаем мы поздно. Ты ещё успеешь... только не пугай её.

– Да... конечно... я всё понимаю, – сглотнул застрявший в горле ком, подтвердил Доре.

3

Он нашел её на том же месте, всё так же спокойно сидящей на сером, покрытом высушенными лишайниками, камне.

– Антуанетта, – чужое имя неприятно царапнуло горло.

Этьена повернула голову, неторопливо улыбнулась.

– Можно мне сесть рядом?

Не дождавшись ответа, Жан подчеркнуто медленно, чтобы его движение не вызвало неприязни, присел на соседний камень.

– Закат, действительно, очень красив.

Девушка спокойно отвернулась.

«Вот мы и встретились... ты совсем не изменилась... Ты, и не ты...» Желание обнять, прижать к себе было настолько сильным, что Доре сунул ладони между колен, и до боли сжал.

«Как же так?... Девочка моя... Что же мне теперь делать?»

Опасаясь потревожить её своим слишком навязчивым вниманием, он тоже развернулся лицом к закату.

Дневная жара уже спала. Далеко под обрывом медленно и почти бесшумно шевелилось море, выбрасывая на узенькую полоску галечного пляжа полупрозрачные, отороченные белым кружевом волны.

Завороженный мягким шелестом воды, он не заметил, как медленно ослабла пружина скрутившей его боли, постепенно впуская в душу умиротворяющую красоту наступающего вечера.

Солнце, незаметно подкравшееся к кромке горизонта, до ярко-бирюзового оттенка высветлило небо, сочными малиновыми мазками подкрасило нижнюю часть облаков икрасно-золотыми шевелящимися бликами опрокинулось на воду. Прямо над головой повис крохотный, трогательно-прозрачный ломтик новорожденного месяца.

Ветер стих. Казалось, солнечный диск, как привередливая красавица, прежде чем войти, осторожно пробует ножкой воду.

Казалось, мир распадается на две неравные части. Впереди ещё цвело закатное великолепие дня, но за спиной уже наливались вечерней синью поздние весенние сумерки. Море, словно расплющиваясь под весом солнца, покорно прогнулось, уступая ему дорогу и в то же время коварно слизывая с его доньшка капли оплавленного золота.

Краски сгустились. Погружаясь в воду, солнце тянуло за собой длинный золотой шлейф. Минута, две, три.

Всё.

Оплакивая потерю, где-то тоскливо закричала птица.

Теперь многоликая бирюза неба быстро растворялась в нежно-фиолетовом сумраке ночи.

– Пойдем...

Услышав рядом шелест платья, он с трудом оторвал взгляд от горизонта.

– Пойдем, – отряхнул платье, настойчиво повторила Этьена, – пора возвращаться.

«Да, пора, – теперь, когда растерянность прошла, положение уже не казалось ему таким безнадежным, – вернемся в Париж, Гаспар поможет найти знающего невропатолога...»

– Ты тоже слушаешь звезды? – стоя напротив, она с детским интересом рассматривала его лицо.

Не зная, что сказать, боясь неверным ответом оттолкнуть её от себя, Жан молча кивнул.

– Ночью их слышно ещё лучше, только Никола не хочет, чтобы я поздно возвращалась...

Она потянулась, положила одну руку ему на плечо, а другой легко коснулась ложбинки на его подбородке, потом провела пальцем по линии скулы:

– У тебя красивое лицо, да? – всё с той же детской непосредственностью коснулась переносицы, обвела контур брови и опять соскользнула пальцем к подбородку, – я никогда не видела такого лица, но мне кажется, что оно должно быть красивым. Да?

Не доверяя голосу, он опять кивнул.

– У тебя глаза, как море на закате... – опираясь на его плечо, Этьена поднялась на цыпочки и почти вплотную приблизила к нему своё лицо, – я вижу там себя! Там я вот такая! – она восторженно показала ему кончик зажатого пальцами мизинца, – даже ещё меньше! У Никола глаза как виноград. Он сказал, что это называется – карие. А у тебя?

– Го...голубой... – чувствуя, что против воли тело скручивает жаркий мучительный спазм, боясь теперь не столько испугать её, сколько не сдержать себя, он попытался максимально сосредоточиться на ответе, – темно-голубые...

– Нет, – как ребенок, получивший ненужную игрушку, она кивком головы отмела его ответ прочь, – не темно-голубой... васильковый... Да! Васильковый! А что это значит – васильковый?

– Ну... есть такие цветы... васильки... они цветут летом на пшеничных полях...

И тут он увидел ЭТО...

4

Справа от них, на самой кромке обрыва медленно высветилась какая-то широкая и странно укороченная мужская фигура.

– Это была интересная охота, – прогудел неожиданно низкий тяжелый голос, – интересная охота, за которую я тебе благодарен... – мужчина поднял руку.

Не успев даже подумать, Жан отшвырнул Этьену к стене обрыва.

Мимо промелькнул тонкий светящийся луч, уперся в валун, зашипел и погас, оставив на камне глубокий оплавленный след.

«Ничего себе!» – когда от вскипевшего на его глазах камня жарко пахло, изумленно констатировал Доре.

Рука автоматически рванулась за спину, где за пояс брюк был засунут пистолет и замерла, когда следующий выстрел подбрил над его головой склон, отчего стало ещё жарче и на лицо посыпалась обгорелая труха каких-то растений.

«Господи, что это?!» – автоматически вжимаясь в оказавшуюся за спиной расщелину, растерялся Доре.

А лучи всё летели и летели, словно тонким карандашом обрисовывая вокруг него на стене легкий контур его фигуры.

«Играет, – белея отбешенства за свою беспомощность, наконец-то, понял Доре, – мерзавец!»... – когда в паре сантиметров от его лица вспучился ровный глянец стены чуть не в голос заорал он.

Дальше отступать было некуда. Расщелина, в которую он вжимал своей спиной Этьену, закончилась.

Да и разве она могла спасти от такого?!

На мгновение Доре стало до безумия холодно, а потом до умопомрачения жарко. Причем жар словно шел откуда-то изнутри его, настолько сильный и испепеляющий, что буквально разрывал его кожу.

Его и Этьены, чья ладонь, всё ещё зажатая в его руке, вдруг напряглась и с неожиданной силой вцепилась в его пальцы.

И тут он понял, что за это время мужчина уже настолько переместился в пространстве, что полностью завис над обрывом.

Он парил!

Нет, не парил, а стоял!!

Вот именно! Этот псих стоял в пустоте над водой так, словно воздух под ним был твердым!!!

«Господи, да что же ЭТО?!» – пораженно уставившись на пустоту, в которую упирались эти ноги, окончательно растерялся Доре.

– Это была интересная охота! – не опуская руки (в которой ничего не было!) всё тем же невозможно низким, гудящим как басовая струна, голосом повторил мужчина, – ты хорошо запутываешь следы...

В голове у Доре тоже загудело, причем так сильно и громко, то идущий извне голос полностью растворился в этом внутреннем гуле.

«Какие следы!? Чьи? Господи, – пытаясь избавиться от наваждения, затряс головой Доре, – да что же это?»

Стоящая за его спиной Этьена вдруг поднырнула под его руку и теперь оказалась перед ним, частично перекрыв собой низ фигуры.

– Стой! Ты... – попытался удержать её Доре, но она так сжала его пальцы, что он поперхнулся и замер.

Оглушающий его гул прекратился так же внезапно, как и начался. Стало настолько тихо, что Жан услышал хруст остывающего камня.

– Ты атавара, – спокойно, словно называя лопату лопатой, произнесла Этьена.

– Да, – всё тем же густым и низким, но уже не гудящим в голове голосом подтвердил мужчина.

– Кто тебя прислал?

– Твой враг, – похоронным тоном театрального злодея возвестил он.

– Какой? – все так же спокойно уточнила Этьена, – у меня их много.

– Не всё ли тебе равно? – надменно прогудел он.

– Мне – да, – непринужденно опираясь рукой на камень, подтвердила Этьена, – а вот тебе, возможно, нет. Возможно, ты не знаешь, – сочувственным тоном объяснила она, – но некоторые мои враги не любят выполнять свои обязательства до конца. Например, расплачиваться за работу. Вдруг твой наниматель тебя здесь бросит? В таком случае, я – твоя единственная надежда.

– Ты? – пренебрежительно протянул мужчина, – как? У тебя ничего нет.

– Ой, ли!.. – насмешливо протянула Этьена, – а вдруг есть? Что будет, если после того, как ты уничтожишь меня, он не захочет забирать тебя обратно? Сообщи твоему Совету, что ты оказался настолько неловок, что свалился в действующий вулкан, или утонул в озере кипящей магмы, или... знаешь, на этой планете даже для таких как ты есть много неприятных неожиданностей... а он пожалуется Совету на твою непростительную неосторожность и разорвет контракт, после чего ты застрянешь здесь на несколько тысяч земных лет. А потом, даже вернувшись, ты не сможешь отомстить ему, – она сделала паузу и продолжила, всё с той же ироничной невозмутимостью спечатывая в пространство каждое слово, – потому что твой враг спокойно доживет до глубокой, очень глубокой, – с нажимом уточнила она, – старости и умрет в своей постели. В то время как ты... – казалось, девушка слегка наклонила голову и теперь, не мигая, смотрела прямо в черные провалы зрачков своего аппонента, – бессмертный и неуязвимый, исчезнешь, как только доживешь до своего рождения. Если ты застрянешь здесь, то со временем уничтожишь сам себя...

Оплавленный склон... запах горелой травы... Этьена... висящий над обрывом урод, вокруг которого ощутимо светился воздух...

Ситуация была настолько абсурдна, что Жан вытащил из-за спины руку и выстрелил, даже не удивившись тому, что подстреленный им мужчина не скользнул в воду, а лопнул, разом превратившись в шар, нет, в огромный ком пылающего света!

– Ну, наконец! – оглянувшись, сверкнула до боли знакомым озорным взглядом Этьена, – бежим, – не давая опомниться, она схватила его за руку и волоком потащила наружу, – быстрее.

Но Жан уже сам проскочил мимо неё на дорожку и помчался вперед, продолжая крепко сжимать ладонью её руку.

Кипящий шар белого огня, в который превратился атавара до последней щербинки высветил перед ними дорогу, за поворотом которой стало так непроходимо темно, что Жан споткнулся, словно впечатавшись грудью стену.

– Бежим! – обгоняя, девушка с такой силой рванула его руку, что чуть не повалила его на дорожку.

На мгновение Жан зажмурился. А когда открыл глаза, то уже смог различить обтянутые платьем бедра и круто поднимающуюся вверх тропинку, по которой продолжали бежать его ноги.

Наконец, подъем закончился и они выскочили на грунтовку, ведущую вдоль обрыва к усадьбе.

– Николая! – подбегая к воротам, заорала Этьена, – Николая!!

Ничего.

В наступившей темноте дом казался большим чернильным пятном, пролитым на шевелящееся от звездного света небо.

Этьена бросилась к сараю, распахнула створку двери.

– Помоги!

В глубине сарая смутно обрисовались очертания маленького грузового автомобиля.

– Открывай ворота! – швыряя себя на место водителя, крикнула она Доре, – и садись! Где мы находимся? – когда Жан упал рядом, в каком-то радостном азарте прокричала она.

– Жерве, тридцать километров южнее Марселя.

– Марсель!? – изумленно выдохнула Этьена, – но почему?..

– Потом, – Жан захлопнул за собой дверь и примерился, как бы половчее перехватить у неё руль, – сейчас надо смываться...

– Монт-Розе направо или налево?

– Что? – несколько бесконечных секунд он пытался вспомнить, попадалось ли ему по дороге сюда такое название, – не знаю...

– Где Марсель?

– Там! – Доре, не глядя, ткнул пальцем в темноту сарая.

– Отлично! Стреляй во всё, что движется.

– Успокойся... – перехватив-таки руль, попытался успокоить девушку Доре, – лучше, если машину поведу я. Нет никакой спешки... не знаю, что это было, но оно мертво.

– Нет, – оттолкнула его руки Этьена, – ты уничтожил временную форму. Он создаст новую. Ему только нужно время.

– Что это было?

– Потом!..

Этьена повернула ключ, рванула переключение скоростей и отпустила тормоз.

Грузовичок пулей вылетел из сарая.

Доре отшвырнуло в угол открытой кабины.

Не сбавляя скорости, машина пролетела двор, на повороте накренилась набок, какое-то время катилась на двух колесах, потом с треском выпрямилась и рванула вперед.

От дверцы Жана швырнуло на приборную доску, потом вмяло в спинку сиденья.

– Включи фары! – вцепившись в приборную доску, заорал он.

– Незачем!

Мимо проносились черные бесформенные тени кустов, где-то рядом мерно шумело почти неслышное в истерическом реве мотора море.

– Ты цел! – не отрываясь от дороги, она метнула в его сторону счастливый, сияющий взгляд.

– Куда ты гонишь? – Жан немного освоился, если вообще можно освоиться в бешено мчавшейся по темной дороге вдоль обрыва машине.

– Есть место...

Машина резко вильнула в сторону.

– Стреляй!

На дороге промелькнул Матюрин.

– Стреляй же!

Доре растерянно оглянулся, чтобы успеть увидеть, как старик протянул вперед неправдоподобно длинные руки и почти схватился ими за борт кузова. Тогда он выстрелил, даже сквозь зажмуренные ресницы, ощутив слепящий сноп огня.

Машина резко затормозила.

– Пошли! – Этьена спрыгнула с сиденья, оббежала машину и схватила его за руку, – быстрее.

Под ногами замелькали изгрызенные временем, почти потерявшие свои очертания обломки плит, округлые куски колонн, камни. Впереди замаячило какое-то почти полностью разрушенное строение. На фоне звезд четко выделялись часть утопленной в скалу стены и фронтоны с провалом входа.

– Смотри! – Жан порывисто оглянулся, а в следующее мгновение в его голове что-то хлопнуло, и он полетел в пустоту.

Этьена подхватила падающее тело подмышками и втащила за собой в стену.

Глава 2

1

– Привет, – ещё не открывая глаз, услышал Жан до боли знакомый голос.

Он открыл глаза и медленно сконцентрировался на бледном пятне перед собой.

– Ты как?

Пятно оформилось в лицо.

– Бывало хуже, – с трудом разлепляя спекшиеся губы, пробормотал он.

Несколько секунд он тупо смотрел на это лицо. Затем попытался приподняться, но резкая головная боль свалила его обратно.

– Это ничего, – девушка исчезла и снова появилась уже со стаканом в руке, – можешь сесть?

Доре уперся рукой в то, на чем лежал, оттолкнулся и сел, непроизвольно схватившись ладонью за затылок.

– Пей, это поможет, – поднесла к его губам стакан Этьена.

Мужчина глотнул и зажмурился от резкой горечи тягучего как клей напитка.

– Пей, – продолжая вливать в него зелье, с мягкой настойчивостью повторила она.

Проглотив всё, он некоторое время расслабленно сидел, с интересом ощущая, как боль стекает с головы вниз и растворяется в упругом материале кушетки. Затем, когда она окончательно растворилась, Жан с удовольствием просмаковал гулкую пустоту освобожденного сознания, а затем... вспомнил всё, что с ними произошло и резко распахнул ресницы.

– Так, – сев ровно, чуть ли не с угрозой произнес он, – что это было? И где мы, черт побери, находимся?

– В безопасности, – не сводя с него глаз, коротко объяснила Этьена.

– Отлично. Но где? – обводя взглядом помещение, повторил он.

Комната, в которой он находился, была круглой и гладкой, словно вырезанной внутри огромного бильярдного шара.

Ни углов, ни потолка, ни дверей...

«Как в психушке, – оглядывая гладкую поверхность, зябко поежился Доре, – хотя, для психушки окно широковато».

Действительно, окно, занимающее всю противоположную часть сферы, было просто шокирующе огромно. И абсолютно черно.

«Господи, – вдруг сообразил он, – а вдруг это действительно психушка?! И это не окно, а экран, за которым сидит врач?»

– Где мы?! – охрипнув от волнения, снова повторил он.

– У меня, – успокоительно положила ему руку на колено Этьена, – конечно, особых удобств здесь нет, – словно извиняясь, добавила она, – но здесь безопасно.

– И это твоё? – осторожно уточнил Доре.

– Да, – подтвердила Этьена.

– А почему в окно ничего не видно? И что ты здесь понаставила? – только сейчас заметив вытянутый под окном стол, вращающееся кресло и запутанный рисунок из цветных квадратов и пятен, покрывающий стол и часть стены между столом и окном, недоуменно уставился на неё Доре, – «Наутилус» какой-то... мы что, на подводной лодке?

– Нет. Успокойся.

– Да что ты всё «успокойся» да «успокойся»! – вскакивая с места, неожиданно для себя заорал Жан, – в гробу я видел такое успокоение! Ясно! Где эта светящаяся дрянь?

– Не знаю! – взлетая с кушетки, также заорала на него Этьена, – и знать не хочу! Здесь мы в безопасности! Ясно?

Жан так опешил, что вместо ответа только шумно вдохнул воздух.

Этьена тоже глубоко до всхлипа вдохнула и отвернулась.

«Дурак, – глядя на неё выругал себя Доре, – кретин полнейший. Нашел время истерику закатывать».

– Извини, – не глядя на него, деревянным голосом произнесла Этьена, – тебе как, полегчало?

– Да, – выдохнул и опять вдохнул Доре, – а тебе?

– Мне тоже, – опускаясь на кушетку, виновато произнесла Этьена.

– Бред какой-то, – плюхаясь рядом с ней на кушетку, с шумом выдохнул Доре, – извини, что я...

– Я тоже... в смысле, что... – начала путаться Этьена.

– Нормально, – успокоил её мужчина, – на твоём месте я бы орал ещё громче. Хотя я и на своём орал довольно неплохо.

Ему вдруг стало ужасно неловко и стыдно. И очень неудобно. Прямо-таки физически тесно в этой странной комнате, стены которой так и норовили упасть ему на плечи.

– Странная у тебя берлога, – невольно поежился Доре, – я её поначалу за психушку принял.

– Да? – удивленно подняла брови Этьена, – а что, довольно похоже.

– Да уж, – подтвердил он, – только матрасов на стенах не хватает. Это что, бомбоубежище?

– Что? – не сразу поняла Этьена, – ах, да... что-то вроде этого.

– А окно зачем? В него же целый танк въехать может, – Жан встал и подошел вплотную к окну, – занятно, не знал, что ты любитель абстрактной живописи...

– Да... в некотором роде... – неуверенно подтвердила Этьена.

– Ну, и темно же, – приблизившись вплотную к стеклу, Жан приставил козырьком руку к глазам и прищурился, – ничего не видно, хоть глаз выколи... Ты в порядке? – когда девушка тоже встала, внезапно спросил он.

– Да. Только я не понимаю, – наморщила лоб Этьена, – как мы оказались в..., – Жерве, – подсказал Доре, – ты не помнишь, как приехала?

– Нет.

– А Николая? – напомнил Доре, – ты помнишь Николая? Ты звала его.

– Я, – наморщила лоб Этьена, – я его знаю, но я не знаю, почему я его знаю... я... я... это как сон...

– А что последнее ты помнишь? – внимательно глядя ей в глаза, очень осторожно продолжал допытываться Доре.

– Улицу... катакомбы... крыс! – вспомнив их писк и царапанье, передернулась Этьена, – фонарь... стрельбу... Но как мы оказались на побережье?

– В катакомбах ты простудилась, – внимательно глядя ей в лицо объяснил мужчина, – потом долго болела и тебя увезли из Парижа.

– Долго? – напряглась Этьена, – сколько?

– Ты только не волнуйся, – осторожно беря в ладони её руку, обеспокоенно произнес Доре, – хорошо?

– Сколько?! – с дрожью в голосе повторила Этьена.

– Полтора года.

– Что?... – ошеломленно задыхнулась она, – ты сказал, полтора года?!

– Не волнуйся, – попытался успокоить её Доре, – помнишь, мы же всё равно должны были уехать. Если бы мы не пошли тогда гулять, то я бы эти полтора года просидел в Лиле

на станции у биологов, а ты сама посмотри, – пытаясь отвлечь её внимание, весело продолжал он, – ну, какой из меня биолог? Тем более, там были бы постоянные дожди, а ты наверняка их не любишь...

– Нет!! – не слушая его, в отчаянии сжала виски руками Этьена, – нет...

– Ну, успокойся же, – обнимая её за плечи, нежно проговорил он, но девушка шарахнулась, споткнулась о кресло, упала в него и опять сжала ладонями голову.

Жан растерялся.

За прошедшее время он столько раз до мельчайших подробностей вспоминал свою жизнь в её доме, её лицо, слова, жесты, нюансы поведения, что постепенно создал себе особый внутренний мир, в котором, независимо от реальности и войны, по-прежнему оставались он, она, её дом и Париж. Там, в этом виртуальном Париже, он столько раз обнимал её, прижимая затылком к своему подбородку, что иногда даже наяву чувствовал запах её волос. Он на ощупь знал упругость её спины и мягкость её кожи. Там, в залитой солнечным светом библиотеке он давно уже сказал ей слова, которые потом повторял так часто, что выучил наизусть. Так же, как и ответ, после которого он, как на крыльях, примчался за ней на побережье.

А теперь что ему делать в этой незнакомой ему Этьеной?

– Ну, что ты... что? – уже не смея коснуться её руками, Доре присел перед креслом и положил ладони на подлокотники, – успокойся. Ты же уже выздоровела. И ничего страшного не случилось...

– Полтора года, – не слушая его, повторила Этьена, – полтора...

– Успокойся, – не зная, что ещё можно сказать, снова повторил Доре, – всё будет хорошо. Ты выздоровела и теперь всё будет просто ослепительно...

– Значит, – медленно приходя в себя, опустила руки Этьена, – теперь уже сорок пятый?...

– Да, – повеселевшим тоном подтвердил Доре, – лето. И война уже закончилась. Удивительно, но ты оказалась права. Помнишь?

– Что? – шевельнулась Этьена.

– Наше пари, – улыбнулся Доре, – помнишь, ты утверждала, что война закончится весной. И она закончилась. И был военный парад. Первый послевоенный парад. Представляешь? Мы шли по Елисейским полям, а весь Париж стоял вдоль дороги...

– Значит, всё, – не слушая его, тихо и горько произнесла Этьена, – и тебе уже... – она закусила губу и зажмурилась: «... ничего не угрожает, и ты останешься жив. Полтора года, которые я могла бы быть рядом! А теперь я для тебя только знакомая из прошлого, из-за которой ты опять попал в неприятности», – изо всех сил стараясь не заплакать, она сжала дрожащие губы и сцепила руки.

– Перестань, – решительно развел её руки Доре, – что было, то было. Ты своё отболела и хватит. Конечно, полтора года жалко, но, в любом случае, они уже прошли и ладно. Не хватало ещё, чтобы ты опять свалилась.

– Это время, – подняла голову Этьена, – ты был здесь?

– Нет. Я приехал только сегодня. Точнее, – всё ещё сидя перед ней на корточках, так, что её лицо было почти на уровне его, Жан мягко опустил её руки на подлокотники кресла, – наверное, уже вчера.

Её глаза... губы... губы были так привычно близко, что он невольно качнулся и... наткнулся на её руки, решительно выставленные навстречу.

– Как ты меня нашел? – почти сурово спросила Этьена.

– Жерар... – не сразу сообразил Доре.

– Жерар? – её светлые до прозрачности глаза напряженно сощурились, – он всё ещё в Париже?

– Да... – восстанавливая равновесие, Жан опять схватился руками за ручки кресла.

– Это он послал тебя сюда? – не замечая, что мнет пальцами его рубашку, снова перебила Этьена.

«Жерар? При чем тут Жерар»?! – разом вдруг вспомнив все, что он когда-то передумал, чуть не заорал он.

– Он? – боль и злость так скрутили ему горло, что вместо слов из него вырвался какой-то клеткот, – нет, – словно проталкивая через щель замазку, выжал из себя Доре, – не совсем... у меня были здесь дела, вот я и... – и вдруг, разом опротивев сам себе, резко закончил, – да, он.

– Значит... – увидев, что она сделала с его рубашкой, отдернула руки Этьена, – с ним всё в порядке?

«Ты ждала Жерара! – чуть не оглохну от звона, с которым рухнула его душе весь выстроенный им мир, вцепился в ручки кресла Доре, – а не меня»!

Жерара, который за всё время, прошедшее со дня освобождения Парижа так и не нашел времени приехать.

«Он даже не знал, что ты больна! – чуть не выкрикнул ей в лицо Доре, – отправил тебя сюда и забыл! В то время как я»!..

– Да... – чувствуя, что ещё секунда и он не выдержит и сотворит что-нибудь невообразимое, Жан вскочил на ноги и стремительно развернулся спиной к креслу, – у него все отлично...

Он наткнулся глазами на намалеванные под окном пятна и уставился на них так, словно собирался продолбить их взглядом.

Этьена молчала и кажется, даже перестала дышать, отчего за его спиной стало так тихо, что Жан оторвал глаза от рисунка и посмотрел в окно, в котором отразилось его лицо.

«Дурак! – глядя прямо себе в глаза, медленно и отдельно подумал Доре, – вообразил себя Ромео, а оказался мальчишкой при короле Марке. Примчался сюда, как Тристан за Изольдой. Вот только эта Изольда давно уже любит короля, а не меня».

– Он хотел, – как за врагом, следя за каждым мускулом на своем лице, медленно произнес Доре, – приехать сам, но он теперь большая шишка в полиции и не может распоряжаться своим временем.

– Да, – не глядя его отражению в глаза, поспешно согласилась Этьена, – конечно, я понимаю... да... – её взгляд зацепился за пуговицу его рубашки, воровато потянулся к подбородку, скользнул по губам и беспомощно сорвался в ямку у основания шеи, – как Гаспар?

– Хорошо... – сведенные судорогой связки не желали пропускать пустые, ненужные слова, которые ему приходилось выталкивать из себя, как грубые, шершавые камни, – он тоже вернулся... – казалось, с каждым словом те же камни всё больше пригибали её плечи, отчего под тонкой тканью платья рельефно обрисовались лопатки, – и Мадлена...

– А Симон?

– Симон?... – его взгляд оторвался от своего отражения в окне и осторожно, очень осторожно, так, словно мог причинить боль, опустился на её, – да...

– Хорошо, – встав, девушка шагнула Доре за спину и, исчезнув с окна, крепко сжала в кулаки ладони, – извини, я доставила тебе столько хлопот... – медленно и отдельно произнесла она.

Достаточно большое помещение за его спиной вдруг показалось ему таким низким и тесным, а собственное тело таким огромным и неуклюжим, что Жану нестерпимо захотелось наружу.

«Когда же эта ночь закончится! А с ней всё... всё... может, я, действительно, свихнулся»?..

– Извини, – снова повторила Этьена.

– Не за что, – он отвернулся от окна, вернулся на кушетку, сел и подобрал под себя ноги, – я, некоторым образом, твой должник...

– Да... – почти не слыша, перебила Этьена, – я – тоже... некоторым... я...

– Значит, мы, – пытаюсь совладать с собой, криво усмехнулся Доре, – квиты.

– Да.

«Всё кончено, – четкие последовательности клавиш на панели расплылся перед её глазами, – зачем только Жерар послал именно его?! Лучше было бы больше не встречаться. Никогда! – она решительно вскинула подбородок, – нюня! Только бы не догадался, что я готова разреветься, как последняя дура», – плавным жестом она поправила себе волосы, попутно стерев со щек слезы.

Свет, льющийся ниоткуда, мягко обрисовал контур скулы, узел волос, открывающий длинную шею, прямую спину, руки.

«Жерар, – сосредоточив всё своё внимание на размеренном дыхании, попытожил Доре, – я же знал, что между ними что-то было. Возможно, для него всё уже в прошлом. А для неё, – вдруг сообразил он, – с их последней встречи прошла только одна ночь! Одна очень длинная ночь, – он медленно вдохнул и так же медленно выдохнул густой кисель, в который превратился окружающий его воздух, – Жерар меня не просил... но я же сам нашел его и сказал, что поеду! – вдох... выдох, – ему незачем было просить... – вдох... – я сам сказал, что поеду... и привезу ему... Дыши ровно, дьявол тебя поберет!» – мысленно рявкнул на себя Доре.

2

Опять стало до одурения тихо. Так тихо, что Жан услышал толчки, с которыми вдыхала и выдыхала воздух Этьена.

– Атавара, – стремясь прервать паузу, он брякнул первое, что вспомнил, – что это?

Этьена испуганно вздрогнула.

– Это?... – она провела ладонью по глазам и обернулась, – энергетическая живая субстанция. Их раса давно освоила межзвездные перемещения. В своем естественном состоянии похожи на огненный столб, но способны принимать любые формы и практически неуязвимы... Возможно, именно с ними связано появление на Земле концепции дьявола... Хотя, это только одна из непроверенных гипотез... честно говоря, я сама о них мало что знаю...

– И этого достаточно, – ошарашенно потер висок Доре, – откуда он здесь взялся?

– Не знаю... Они обитают в семнадцатом секторе, на планете... – Этьена замаялась, – ну, в общем, очень далеко отсюда... У них невысокий уровень экономики и архаичный общественный строй, ориентированный на...

– Кто ты такая?! – уставился на неё Доре, – большая или...ты... – сведя воедино все факты, вдруг сообразил он, – тоже оттуда?

– Нет, я – из двадцать шестого сектора... – начала, но, увидев, какими глазами он на неё смотрит, тут же замолчала Этьена.

– Ты!.. – остолбенел мужчина.

«Вселенная, – растерялась Этьена, – что я за дура такая! Они ещё даже в ближний космос не летали, а я... А если его сейчас удар хватит»?!

– Эй... – не зная, что делать, тихо позвала она, – ты как?!..

– Из сектора... – тупо пробормотал Доре, – да... конечно...

– Прости, я не хотела говорить тебе, – попыталась объяснить Этьена, – я никому этого не говорила... ты же понимаешь, что я не могла...

– Естественно, не могла! – наконец-то выдохнул застрявший в горле воздух мужчины, – иначе сразу оказалась бы в дурдоме! И я вместе с тобой! Хотя я и сейчас, – зыркнул на окно Доре, – не уверен...

– Это правда.

– Надеюсь, – скосился на неё мужчина, – что так. Двадцать шестой... Черт!

– с чувством произнес он, – и ведь я знал, что с тобой что-то не так! Я же сам видел!.. Но это всё было так абсурдно, что я почти убедил себя, что надышался в катакомбах какой-то галлюциногенной дряни и... Я даже никому не рассказывал!.. Из двадцать шестого... Черт... – чуть сбавив тон, повторил он, – никогда не любил фантастики... Всех этих космических пауков... А ты, – вдруг подозрительно уставился на неё мужчина, – вообще, человек?

– Да.

– Уже лучше... – повеселел Доре, – а это твой космический корабль?

– Нет. Мы находимся на Земле...

«Ну, слава Богу!» – он опустил руку и с нежностью, как любимую собаку, погладил кушетку.

– ... это – положив руку на стол, сдавленным от волнения голосом объяснила Этьена, – капсула времени, которая совершает перемещение внутри временного континиума.

– Чтоб тебя! – отдергивая руку, поперхнулся Доре, – и где мы сейчас?

– Всё там же, – успокоила его Этьена, – я никуда не перемещалась.

– Значит, – на всякий случай уточнил Доре, – если я захочу выйти...

– Ты выйдешь там же, где и вошел. Только на пару минут позже.

– Ладно, – почти успокоился мужчина, – и зачем она тут?

– Для изучения земной истории, – тоже успокоившись, объяснила Этьена.

– Так ты историк?

– Почти, – подтвердила она.

– И не собираешься нас завоевывать? – на всякий случай уточнил Доре.

– Нет. Слушай, я не хочу никому навредить, – прижала руки к груди Этьена, – мы, – тут же поправилась она, – не хотим никому навредить. Мы тоже земляне и просто пытаемся узнать наше прошлое.

«Если не начну нормально дышать, то задохнусь, – глядя на неё, напомнил себе Доре, – выгляжу полным идиотом».

– Вы? – переспросил он, – вас здесь много?

– Нет. Мы работаем по-одному, – просто объяснила она.

– Чертовски глупо! А если с тобой что-нибудь случится? – вдруг возмутился мужчина, – ты полтора года провела в отключке и что? Хоть одна собака это заметила? Сожжет тебя какая-нибудь инопланетная дрянь, а мне даже похоронку написать некому!.. Прости, – когда смотревшая на него Этьена резко отвернулась, сообразил он, – я черт знает что болтаю.

– Ничего, – глядя в окно, тихо произнесла она, – я понимаю. Я столько на тебя вывалила...

– Да уж, – подтвердил он, – на три романа хватит. Значит, ты с другой планеты?

– Да. И из другого времени, – осторожно прибавила Этьена.

– Из какого? – неожиданно спокойно уточнил Доре.

– Примерно из восьмого тысячелетия по земному летоисчислению.

– Из!.. Занесло ж тебя, – только хмыкнул Доре.

Этьена полуобернулась к нему, скользнула глазами по лбу и поспешно переметнула взгляд на стену.

– Прости. Я втравила тебя...

– ... в жуткие неприятности, – неожиданно зло закончил за неё Доре, – Если потребуется подзаработать, можешь писать диалоги для мелодрам. Бабы обречутся.

– Ты!.. – отшвырнув ногой кресло, рванулась к нему Этьена.

– Что, я?! – взлетел с кушетки мужчина, – что?

Они сшиблись так, что у обоих зазвенело в ушах, но даже не заметили, что вцепились руками друг другу в плечи. Каждый видел только глаза другого, проникая в них всё глубже и глубже...

«Нет!» – первая отшатнулась от него Этьена.

– Извини, – холодным, лишенным модуляций голосом проговорила она, – я повела себя недопустимо. Больше такого не повторится.

– Я тоже виноват, – пытаюсь унять дрожь в коленях, деревянным голосом произнес мужчина, – похоже у нас обоих здорово разыгрались нервы...

Этьена кивнула, и устало опустилась на кушетку.

Жан тоже сел, точнее упал рядом.

«Дурак, – глубоко внутри что-то нервно плеснулось, но то, что на него накатило, уже прошло, оставив его тупым и беспомощным как распластанная на песке медуза, – нашел время... из восьмого... с ума сойти! Да для неё что я, что Жерар... тени!.. когда она родилась, от нас уже и костей не осталось... – Жан осторожно скосил глаза на Этьену, которая сидела, неловко подогнув под себя ноги, – ладно, хватит дурить, ей и так, похоже, несладко... среди теней»...

– Мир? – стараясь не смотреть ей в глаза, протянул руку Доре. Этьена молча вложила в неё свою ладонь, – что делала здесь эта тварь?

– Охотилась.

– На тебя?

– Похоже, что да.

– Что ты ему сделала?

– Лично ему, ничего. Его кто-то нанял.

– Кто?

– Понятия не имею. Их услугами пользуется вся Галактика...

– Надеюсь, – от неудобной позы у Доре начала ныть шея, – вся Галактике не гоняется лично за тобой?

– Нет.

– Уже лучше, – он машинально растер шею ладонью, – но кому-то ты всё-таки потребовалась. Кому?

– Трудно сказать... – девушка обхватила себя руками, – конечно, нашей работой интересуются. Но послать за мной атавару!..

– Значит, кому-то ты очень потребовалась, – с нажимом посторил он.

– Да, ты прав, – согласилась Этьена, – кроме того, кто-то не просто купил его услуги, а смог свернуть и упаковать атавару в непроницаемый контейнер...

– Зачем? – удивленно поднял брови Доре.

– Только так его можно было пронести через капсулу, – объяснила Этьена, – а это мало кто может... дело не в физической силе, – видя, что Жан недоверчиво пожал плечами, уточнила она, – здесь другое.

– Значит, такие случаи уже были?

– Да, в экстренных случаях специально подготовленных атавар отправляют за пропавшими агентами... Но тогда они ведут себя корректно! – наткнувшись на его взгляд, возмутилась она, – а не как этот придурок!

– Согласен, – подтвердил Доре, – у этого подготовка хуже некуда. Лично я бы за такой текст просто уволил. А ты?

– Я бы тоже. В смысле... Да плевать мне на его текст! – окончательно разозлилась Этьена, – Он не мог оказаться здесь, понимаешь?! Не мог! Его могли только послать, но его никто не посылал!..

– Стоп! – схватил её за плечи Доре, – дыши! Ровно и медленно. Ну! Раз... – он сам глубоко вдохнул и медленно выдохнул из себя воздух, – два... раз...

– Прекрати, – рванулась из его рук Этьена, – я не нуждаюсь!..

– Нуждаешься, и очень, – удержал её мужчина, – кто-то из ваших оказался «грязным копом» и тебе невыносимо признать это.

– Нет!

– Да, – резко оборвал он, – ему заплатили, или пригрозили... или он действует в своих собственных интересах. Но такой человек есть. Возможно, ты даже его знаешь. Вспомни! – нагнувшись, заглянул ей в глаза мужчина, – может, ты что-нибудь знаешь?

– Нет... – прекратив вырываться, сосредоточилась Этьена, – ничего... ничего такого... ничего такого, чтобы искать меня... Жан, я не понимаю, зачем он это сделал...

– Ладно, только не волнуйся, – отпуская её плечи, предупредил Доре, – значит, зацепок никаких. Ты можешь обратиться в свою полицию, чтобы они разобрались?

– Нет.

– Почему?

– Я... – растерявшись, замялась Этьена, – я сделала кое-что, о чем службе контроля лучше не знать.

– Что?

– Неважно.

– Ладно, – заведя руки за спину, Доре жестко сцепил пальцы, – я с самого начала подозревал, что с тобой что-то нечисто, Хотя, конечно, такое...

«...разве только спяну... если когда-нибудь удалось бы до такой степени надраться...» – мысленно он даже представил какой-то средневековый подвал, дубовый стол и себя, тупо уставившегося на бутылку.

3

– ...я всегда считал, что путешествия во времени в принципе невозможны.

– Почему? – занятая своими мыслями, автоматически возразила Этьена, – временное пространство, как и любое другое, имеет свои законы, следовательно, им можно манипулировать. Положение объекта относительно вертикальной временной оси является постоянной величиной только в трехмерной системе координат, но стоит развернуть трехмерное пространство до четырехмерного...

– Математика Лобачевского?

– Что?

– Был такой математик. Студент-физик в одной пьесе всё твердил что-то типа того, что – Жан наморщил лоб, – в трехмерном пространстве параллельные прямые могут не только пересекаться, но и накладываться друг на друга, «После чего, – вспомнил Доре, – лихо опрокидывал партнершу на кровать... идиотская была роль... и пьеса не лучше...»

– Любопытно... – заинтересовалась Этьена, – да... что-то похожее. Он рассматривал единое трехмерное пространство или соприкосновение под разными углами отдельных двухмерных?

«Насчет соприкосновения, – хмыкнул про себя мужчина, – в самое яблочко...»

– Откуда я знаю! Я – актер, а не математик. У меня и в школе выше тройки никогда не было... Что ты собираешься делать?

– Не знаю, – нервно передернулась Этьена, – раньше я никогда не сталкивалась...

Заметив, что девушка дрожит, Жан хотел обнять, но вместо этого только коснулся плеча и сразу убрал руку.

– Ты можешь найти его хозяина?

– Как? Я даже не знаю, к какому временному периоду он относится. Первые контакты с атаварами произошли около двух тысяч лет назад...

– То есть, – тут же уточнил Жан, – в первом...

– В шестьдесят первом, – тоже уточнила Этьена, – если считать от восемьдесят четвертого.

– Ясно, – обескураженно крикнул мужчина, – его можно как-то сбить со следа?

– Практически, нет... – Этьена не выдержала и встала, – если только на время... – размышляя вслух она машинально заходила по капсуле: четыре шага вперед, поворот, четыре назад, – но он всё равно будет искать, пока не найдет.

– А если тебе... – он запнулся и привычным жестом отбросил с лица мешающие волосы, – уйти в какое-нибудь другое время?

– Едва ли это поможет, – приостановилась Этьена, – атавары способны распознавать запах своих жертв даже через многие годы после их ухода. Наверное, так он меня и нашел.

– Н-да... А если его перекупить?

– Исключено, – отмахнулась Этьена, – у них очень жесткий кодекс чести. Атавары никогда не нарушают заключенного контракта... даже в случае гибели охотника контракт не аннулируется, а передается другому исполнителю. Именно поэтому их услуги так дорого стоят... – она до хруста сжала пальцы, – я не имела права привлекать его внимание к тебе.

– Сейчас это уже не важно.

– Важно, потому, что теперь атавара будет охотиться и за тобой, – она опять нервно хрустнула пальцами, – это очень мстительные твари. У них сильнее чувства мести только ненависть к глайтам.

– Кто это?

– Враги, – не стала вдаваться в подробности Этьена.

– Веселенькая же у вас жизнь, – без энтузиазма протянул Доре.

– У вас тоже не соскучишься, – нахмурилась Этьена, отчего поперек лба прорезались тонкие горизонтальные трещинки, – но я должна была предвидеть...

– Что? – криво усмехнулся Доре, – что неизвестно кто захочет тебя убить?.. А ты можешь предвидеть?

– Нет.

– Тогда считай, что тебе повезло... и мне тоже.

– Нет, – девушка упрямо качнула головой.

– Глупо.

Этьена молча зыркнула на него глазами, наткнулась на спокойный взгляд, помедлила и отвернулась.

– Что происходит с контрактом, если наниматель погибает?

– Смерть ничего не меняет...

– Ты что-то говорила о вулканах...

– Теоретически существует возможность уничтожить атавару, растворив его в другом, более мощном источнике энергии... Но я блефовала. Земных вулканов ему только для подзарядки хватит.

– Ладно, – согласился мужчина, – ты ещё говорила о разрыве контракта.

– В случае гибели исполнителя наниматель имеет право либо передать контракт другому, либо разорвать, не выплачивая Совету неустойки... – Этьена замерла, затем медленно развернулась, – ты хочешь заставить нанимателя разорвать контракт?

– Да. Такое возможно?

Вместо ответа она опять закружилась по капсуле.

«Этот сундук ещё и растяжной, – отрешенно отметил Доре, наблюдая, как, сообразно её движению, изменилась конфигурация помещения, – был бы бабой, грохнулся бы в обморок, и все дела... – краем глаза он поймал своё отражение в окне, присмотрелся и невесело хмыкнул, – хорош, нечего сказать. Влюбился неизвестно в кого, связался с... черт его не знает, с чем связался... свихнуться можно... хотя, свихиваться, пожалуй, уже поздно...»

Наблюдая за пыльным носком женской туфли, чертившей невидимые дуги на идеально чистом светло-сером полу, мужчина попытался сосредоточиться на каком-то неясном ощуще-

нии, бродившем по самому краешку его сознания. Что-то похожее на знание... нет, воспоминание... то ли игра света на волосах... то ли наклон головы...

«Черт!» – так и не доискавшись причины, резко мотнул головой Доре.

– Если атавара охотился за тобой ради информации, то почему он собирался тебя убить? – вспомнив висящую над обрывом фигуру, вдруг сообразил он.

– Он не собирался, – отрицательно качнула головой Этьена, – просто хотел поиграть перед захватом. Они это любят.

– А если нет? – продолжал наседавать на неё Доре.

– Тогда мы не доехали бы до капсулы. Он уничтожил бы нас обоих вместе с машиной.

– Так, ладно, – сбавил обороты Доре, – пусть так. А если попытаться узнать имя заказчика? Должен же он как-то проявить себя? – он встал рядом с Этьеной и оперся руками о стол, – ты говорила, что атавара не может сам пройти через камеру...

– ... капсулу, – машинально поправила Этьена.

– Не важно. Если так, то где-то поблизости должен быть тот, кто его через неё проносит.

– Пожалуй... – согласилась Этьена, – но тогда его охраняет атавара.

– Патовая ситуация, – протянул Доре.

– Не скажи, – вдруг встрепенулась Этьена, – если их разделить, то...

– Как? – поднял на неё глаза мужчина, – отправить малыша поиграть в песочек?

– Нет. Заправиться, – широко улыбнулась Этьена.

– Что? – поднял брови Доре.

– Он теряет много энергии на преобразования. Ну, – видя, что Жан не понимает, попыталась объяснить Этьена, – он может трансформироваться. Чтобы пройти через капсулу, он становится энергией, которую его хозяин проносит в специальном контейнере. Потом преобразуется в материю или в... ну, в общем, в что-то среднее. При этом он тратит очень много энергии. Поэтому ему надо заряжаться. Здесь, на Земле, ещё нет достаточно мощных искусственных источников. Поэтому ему придется питаться от естественных, например, от действующего вулкана. А это процесс очень медленный.

– Ты хочешь сказать, – сообразил Доре, – что пока он будет заряжаться, его хозяин будет сидеть и ждать...

– ...или искать меня, если я случайно окажусь в этом же временном периоде, – подтвердила Этьена, – подожди...

Она придвинулась вплотную к столу и положила правую руку на разноцветный рисунок на столешнице.

4

Черное окно вдруг посерело, словно время за ним уже изменилось.

– Что это? – замер за её спиной мужчина.

– Центр управления капсулой. Мы называем его Мозгом, – плавно водя рукой по рисунку, отчего серая поверхность окна зарябила, как посталенное напопа озеро, объяснила Этьена.

– Он может думать? – недоверчиво уточнил Доре.

– Нет. Он только хранит и обрабатывает информацию, – покрывая экран серией чисел, объяснила Этьена, – как очень большая библиотека...

– ...и очень умный библиотекарь, – закончил за неё Доре.

– Да, – согласилась Этьена, – что-то похожее появится на Земле уже к концу второго тысячеления...

– То есть, уже сейчас? – переварив услышанное, уточнил Доре.

– Может быть, – не отрываясь от экрана, согласилась она, – или немного позже.

В центре экрана появился огромный земной глобус.

– Ого! – тоже придвинулся к экрану Доре, – хорошо нарисовано! Но, – присмотревшись, усмехнулся он, – только неправильно. Очертания материков не соответствуют...

– Они соответствуют, – занятая своим, отмахнулась Этьена, – точнее, будут соответствовать... можно попытаться устроить ловушку... У вас очень суматошное тысячелетие, особенно вторая половина. Отслеживая объект, приходится прыгать чуть ли не через каждые сто лет, потом я часто возвращалась для перепроверки... – пока по бокам глобуса с бешеной скоростью мелькали какие-то цифры, попыталась объяснить она.

– То есть, основательно запутала следы... да, подходящее место для засады, – Доре попытался проанализировать ситуацию, – каких действий они от тебя ждут?

– Скорее всего, паники. Либо я побегу обратно домой, либо забьюсь подальше в прошлое. Домой мне нельзя.

– А как насчёт меня?

– Никак. Ты, – девушка замаялась, – не можешь попасть сюда.

– Но я всё-таки попал?

– Да.

Мужчина вопросительно прищурился, но Этьена уткнула взгляд в экран.

– Вот! Смотри! – вдруг подскочила она, – видишь?

– Да! – восхищенно выдохнул мужчина.

Очертания глобуса стали меняться. Как в кино, когда увеличивают скорость прокрутки киноленты. Казалось, что вся его поверхность течет и шевелится. Как будто дышит!

Постепенно контуры материков зафиксировались в уже привычных Жану размерах. Затем в нескольких точках, разбросанных по всему глобусу, замигали красные искорки.

– Извержения в Исландии, на Алеутских островах, в Италии, на Камчатке, в Индонезии. Вот! – она приподнялась и ткнула пальцем в район Малайзийских островов.

– Что это? – стараясь рассмотреть карту, чуть не ткнулся носом в экран Доре.

– Извержение крепнейшего стратовулкана. Выделившейся при этом энергии должно хватить на подзарядку...

– Ты серьезно? – не поверил Доре.

– Конечно. Хотя извержение на Алеутских островах ему тоже может понравиться... они оба начнутся в конце октября... нам надо укрыться...

– У меня есть друзья в Нормандии, – предложил Доре, – держат ресторан и гостиницу в Сен-Мишеле...

– ...в прошлом, – перебила его Этьена.

– Ты хочешь сказать, – перебил её Доре, – что я тоже могу?...

– Да, – подтвердила Этьена, – естественно, можешь.

– Естественно?! – так и подскочил он, – это тебе что, в соседнее кафе сбегать!?! С ума сойти!.. Может, я уже сошел и всё это мне в бреду мнится... ну, и видок у меня, – наткнувшись на свое отражение в экране, вдруг заявил он, – ты уверена, что я точно не свихнулся?

– Да... Ради этого они обязательно разделятся! – с воодушевлением подтвердила Этьена, – а пока атавара будет заправляться, я разберусь с его хозяином, – посерьезнев, спокойно завершила она.

– Ты уверена?

– Да. Я подстрахуюсь и справлюсь.

– А если нет? – уставился на неё Жан, – если... джокер в рукаве! – вдруг сообразил он.

– Да, – подтвердила Этьена, – в случае неудачи я успею перенести нас ко входу в капсулу и мы сбежим прежде, чем он опомнится.

– У тебя явно изменилось настроение, – наблюдая за ней, заметил Доре, – и в лучшую сторону.

– Потому что я собираюсь прищучить этого мерзавца, – сузила глаза Этьена, – и, ты сам сказал, что у меня есть джокер.

– Ладно... – немного успокоившись, положил ладони на спинку её кресла Доре, – значит, если мы действительно не свихнулись, то вместе нас нигде не ждут... Черт, они же... – вдруг сообразил он, – могут вернуться в наше прошлое! В наш вчерашний день и...

– Не могут, – мотнула головой Этьена, – все, кто прошли через капсулу, экранированы. Мы можем пересечься только в нашем общем настоящем.

– Уже лучше...

«Пора учиться дышать по-лягушачьи, с интервалом минут в десять», – сообразив, что опять он надолго задержал дыхание, невесело подколол себя Доре.

– Куда махнем? – с наигранной беспечностью спросил он.

– Сначала просто попрыгаем, – предложила Этьена, – никто не знает, что я могу телепортироваться. И мы, – задорно засмеялась она, – этим воспользуемся. Мы будем выходить из одной капсулы, телепортироваться к другой и сразу, как только засечем атавару, уходить. Мы заставим его тратить много энергии и, кроме того, взбесим и его, и его хозяина. А когда хозяин поймет, что его гончий пес почти разряжен и готов разорвать меня в клочья, то он вынужден будет либо запереть его, либо отправить на дозарядку. При любом раскладе, он будет один. И тогда мы устроим засаду.

– Отлично! – подтвердил Доре, – а если он не справится и собачка, действительно, разорвет нас в клочья?

– Справится, – убежденно произнесла Этьена.

– Ты – сумасшедшая, – так же убежденно произнес Доре.

– Может быть, – засмеялась Этьена, – но они этого не знают. Ну, что, – глядя ему в глаза, предложила она, – сыграем?

5

Человек привыкает ко всему. Первый поезд, первый телефонный аппарат, первый... Неважно. Всё однажды было первым. Но острота новизны проходит, человек в очередной раз приспособливается, и...

– Значит, – разглядывая рисунок цветковых пятен на пульте, не удержался от подколки Доре, – ты не любитель абстрактной живописи.

– Почему? – в тон ему подхватила Этьена, – мне очень нравятся нейронные свето-звуковые абстракции. Но их ещё не придумали.

– Ага, ты язвись, потому что радуешься, – глубокомысленно изрек Доре, – что после всего вышеизложенного я ещё не откинул копыта? Сознайся, что наверняка боялась чего-то подобного?

– Да, – честно подтвердила Этьен, – очень боялась.

– Но я оказался крепким орешком. Хотя, после той твоей телепортации и после твоих фокусов в катакомбах... как тебе это удалось?

– Что именно? – по-деловому уточнила Этьена.

– Перенос.

– А что ты во время него почувствовал?

– Я почувствовал, – с полной серьезностью объяснил Доре, – что подавился Нотр-Дамом, а Тур Эйфель чуть не проколола мне печень. Знешь, если и впредь будет что-то похожее, то я лучше буду догонять тебя пешочком.

– Извини, – тут же посерьезнела Этьена, – я не думала, что будет так ужасно.

– Да, ладно, – беспечно отмахнулся мужчина, – учитывая, что в противном случае нас бы наверняка пристрелили, всё пошло просто великолепно. Если честно, то я ещё никогда ничего подобного не испытывал.

– Я тоже.

– Почему? – удивился он.

– Раньше у меня никогда не получалось, – призналась Этьена, – до этого я даже одну себя переместить не могла.

– Так у тебя был дебют? – изумленно поднял брови Доре.

– Ну, что-то типа этого, – подтвердила она.

– В таком случае, поздравляю, – Жан прижал правую ладонь к сердцу и склонил голову, – у тебя здорово получилось.

– Спасибо, – покраснела Этьена.

Теперь им обоим стало ощутимо легче.

– Нас здесь не накроют? – уже хозяйским взглядом обвел помещение капсулы Доре.

– Нет. Находящуюся во временном дрейфе капсулу засечь невозможно. Даже тот, кто войдет следом, но отдельно, – пояснила Этьена, – попадет уже в другое пространство.

– Действует по принципу кабины лифта?

– Да... Нет... – наморщила лоб Этьена, – не совсем. Капсула – одна. Она находится сразу во всех точках. Внутри временного континиума перемещается не она, а мы. Попад сюда, мы... выпадаем из трехмерного пространства реального исторического времени в четырехмерное реального...

– Стоп!.. – схватившись за висок, резко остановил её Доре, – всё!..на сегодня с меня хватит! Антракт...

Этьена облегченно вздохнула.

– В этой богадельне, – закончив растирать висок, Жан недоверчиво оглядел гладкие стены капсулы, – пьют что-нибудь вкуснее давешней дряни?

Девушка встала с кресла.

– Садись.

– А это просто кресло? – непроизвольно крепче вцепившись в край кушетки, уточнил мужчина, – или тоже...

– Тоже, – подтвердила Этьена, – но сейчас оно достаточно безопасно.

«Дурак, – почувствовав в её голосе иронию, взъярился на себя Доре, – веду себя, как капризная барышня», – он разжал пальцы и, не давая себе опомниться, перебросил своё тело в кресло и замер, подсознательно всё равно ожидая какого-то подвоха с его стороны.

Но ничего не произошло.

Кресло, как и любое другое, только слегка промялось под его тяжестью.

«Ничего такого, – немного успокоился мужчина, – кресло как кресло».

Жесткое на вид сиденье оказалось неожиданно удобным. Короткий ворс ткани приятно льнул к пальцам.

«Похоже на замшу, – осторожно проведя ладонью по подлокотнику, попытался определить он, – или бархат».

Дав мужчине освоиться, Этьена подтолкнула его левую руку к небольшой выпуклости на подлокотнике.

– Положи сюда руку.

– И что?...

– Просто положи.

– Под твою ответственность, – опуская руку, предупредил он, – и что теперь?

– Ты знаешь.

– Я... черт! Я действительно знаю! – Жан потянулся к столу и замер, не донеся руку до его поверхности.

– Смелее, – подбодрила его Этьена.

«Эх, была-небыла,» – он опустил руку и коснулся нескольких цветковых пятен.

В гладкой поверхности стены между креслом и кушеткой открылась небольшая ниша, откуда выплыл заставленный посудой поднос.

– Класс! Полный отпад... – Жан откинулся назад, но спинка кресла тоже откинулась, превратившись в узкое ложе, из изголовья которого в последний момент выскочила маленькая жесткая подушечка, – Черт! Что оно делает?! – крепко зажатый в тесном пространстве между подлокотниками, заорал мужчина, – какого!.. – он замер и заворожено уставился на выползающую из подлокотника трубку.

– Убери! – вцепившись в его руку, также заорала Этьена, – руку убери!.. Слышишь?

На конце трубки блеснул тонкий волосок иглы.

– Подними руку! – она резко рубанула ребром ладони по мышцам.

Его пальцы разжались.

Спинка кресла тут же подскочила вверх, подушечка исчезла. Игла всосалась обратно в трубку, а трубка – в ткань подлокотника.

Почувствовав свободу, Жан пулей вылетел из кресла.

– Что это за?... – сдавленным от испуга голосом зашипел он.

– Снотворное, – стерильным, как кипяченое молоко, тоном объяснила Этьена.

– Зачем? – изумился Доре, – оно что, свихнулось?

– Нет, Мозг просто выполнил твою команду.

– Мою?...

– Ну да, твою мысленную команду, – она не удержалась и придушенно хрюкнула, – ты подумал, он исполнил. Ты же об этом думал?

– Я не просил вкалывать мне!.. я только... черт... – Доре озадаченно уставился на неё, – это же не команда, это... – машинально растирая место удара, он с ненавистью посмотрел на кресло, – эта дрянь меня чуть не усыпила!..

– По-видимому, ты подумал о чем-то, что Мозг расценил как желание уснуть.

– Уснуть! Он что, шуток не понимает? А если бы я... – вовремя прикусил язык мужчина.

«Хорошо, что я подумал именно это, – мысленно договорил он, – иначе этот придурок меня бы кастрировал!»!

– С ментальным управлением всегда так... – старательно глядя мимо него, начала Этьена, – такая-то посторонняя мысль, и... – она хрюкнула и уткнулась лицом в кушетку.

Жан возмущенно сверкнул на неё глазами, отвернулся, поймал своё отражение на экране, присмотрелся и тоже фыркнул.

– Ладно, – когда приступ смеха прошел, уже спокойным тоном проговорил он, – я, кажется, понял. В следующий раз буду вовремя убирать руку. Только какого... – он произвольно отдернул руку от спинки кушетки, – почему оно выполняет мои команды?

Этьена опять пересела в кресло.

– Это, – положила правую руку на столешницу, – пульт управления капсулой. С его помощью Мозгом можно управлять вручную, а можно, – её левая рука легла на выпуклость в подлокотнике, – телепатически в аварийном режиме.

– Любой может? – поинтересовался Жан.

– Не совсем... – замялась Этьена, – капсулы запрограммированы на каждого сотрудника корпуса времени персонально. Никто другой не может сюда попасть.

– Стоп, – Доре сел на кушетку и развернул её вместе с креслом лицом к себе, – а всё-таки, как сюда попал я?

– Ну... – под пристальным взглядом темно-голубых глаз ей стало очень неудобно сидеть, – барьер поставлен только против любой формы разума...

– видя, что он ещё не понял, она завозилась, скосила глаза в сторону и осторожно добавила, – в общем, мне пришлось тебя отключить.

– Отключить?!.. – озадаченно повторил Доре, – треснуть по голове, что ли?

– Нет, ты что! – испугалась Этьена, – только нажать вот сюда, – коснувшись кожи на своей шее, объяснила она, – это безопасно и безболезненно.

– Насчет последнего я бы... – протянул Доре.

– Голова у тебя болела не от этого.

– Слушай, – Жан подтянул в себе кресло, положил руки на подлокотники и всей массой навис над Этьеной, – какой номер ты ещё отколола?

– Настроила на тебя управление капсулой. Иначе при выходе во время капсула бы тебя уничтожила.

– Та-а-ак, – озадаченно уставился на неё Доре.

– У меня не было другого выхода, – виноватым голосом начала оправдываться Этьена, – если бы ты остался там, то атавара бы тебя уничтожил, а выйти отсюда без создания матрицы невозможно... Мне пришлось рискнуть... В конечном итоге, всё прошло вполне нормально...

– Но я... – попытался переварить услышанное Доре, – это всё ещё я?

– Конечно! – порывисто сжала его руку Этьена, – в тебе абсолютно ничего не изменилось. Я только ввела тебя в базу данных.

– Тогда ладно, – успокоившись, Жан опустил глаза и впервые почувствовал тепло её руки, всё ещё лежащей на его запястье.

– Тебе незачем учиться независимому управлению, – продолжала говорить Этьена, – это займет слишком много времени. Проще использовать телепатический канал. Он рассчитан на экстремальные ситуации, когда человек не способен работать самостоятельно. Тебе надо, – вдруг смутившись, сжала пальцы Этьена, – только положить на левый подлокотник руку и четко сформулировать задачу. Центр сам решит, что надо делать.

– Понятно... – отводя глаза, соскользнул взглядом на торчащий из стены столик Доре, – это съедобно?

– Вполне, – обрадовавшись возможности переменить тему разговора, Этьена потянула на себя столик и сняла крышки с тарелок.

– Здесь всё такое растяжное? – открыв неплотно закупоренный графин, Жан недоверчиво понюхал пробку.

– Да.

– Забавно. Это можно пить?

– Вполне. Может быть, это немного непривычно на вкус, но абсолютно безопасно. Подбирая меню, Мозг всегда учитывает все химико-биологические особенности заказчика.

– Ладно, пусть учитывает, – чувствуя, что на сегодня с него, действительно, хватит, устало согласился мужчина.

Часть вторая

Глава 1

1

Гостиница в Бресте оставляла желать лучшего. Да и климат тоже. (А какой ещё может быть климат, если через город, как скорые поезда через узловую станцию, постоянно проносятся циклоны?)

Граф и графиня де Верней сняли большие апартаменты с двумя спальнями и гостиной, куда гостиничный лакей уже внес их багаж.

Пока горничная распаковывала вещи, графиня под села к бюро.

Граф, сбросив на руки лакея мокрый плащ, подошел к залитому дождем окну.

Закончив писать, графиня сложила бумаги, встала и подошла к мужу.

– Вон того, – мужчина кивнул на противоположную сторону улицы, – давно уже нет.

– Ужин я заказала в номер.

Мужчина кивнул, задел подбородком за жесткий край высокого воротничка и поморщился.

– Чертов ошейник... я-то считал, что умею носить эти тряпки.

– Привыкнешь.

– Ладно, в конце концов, я же канадец. А канадцу всё простительно.

– Осторожно, – когда из спальни вышла горничная, предупредила Этьена.

Жан замер, краем глаза наблюдая, как горничная, крепко сбита девица в длинном платье и переднике, получила от Этьены деньги, присела, словно хотела плюхнуться задом на пол и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

– Странное ощущение, – Жан провел рукой по подоконнику, – ничего этого давно уже нет, – на пальце остался налет пыли, – даже этого тоже нет, – он поднес руку к лицу и растер пыль между пальцами.

– Это всё есть, – мягко возразила Этьена.

– Эти люди... – не слыша её, продолжал обшаривать глазами улицу Доре, – возможно, я знаком с их правнуками... а самих их уже давно нет...

Его глаза невидяще уставились в окно напротив, за которым смутно угадывались очертания сидящей женской фигуры. Женщина повернула к нему голову, кажется, всмотрелась. Потом перед окном неожиданно появился мужчина, рассерженно глянул на него и резко задернул шторы.

– Ещё немного, – не оборчиваясь, тихо произнесла Этьена, – и ты бы нарвался на дуэль.

Жан удивленно обернулся.

– Ты серьезно?

– Абсолютно, – Этьена отошла от окна, – этот тип посчитал тебя выше себя по положению, иначе швырнул бы перчатку прямо в окно.

– Дуэль на пистолетах из-за прекрасной незнакомки, – усмехнулся Доре, – звучит романтично.

– И на редкость глупо.

Мужчина пожал плечами, девушка отвернулась.

Прошедшие несколько дней («Хотя, дней ли»? – по ходу дела подумал Доре) были просто сумасшедшими. Буквально выполняя задуманное, они выходили из капсулы, телепортировались и, как только в кармане Этьены начинал пищать датчик, тут же вбегали в камеру.

– Где мы? – в первый раз выйдя наружу, замер Доре.

Вокруг было темно. Не так, чтобы совсем, потому что из-за спины её слегка подсвечивали блекло-зеленые сигнальные огоньки, полукружьем расположенные вокруг входа в капсулу.

– Это пещера? – не дождавшись ответа и приглядевшись к темному абрису какого-то летящего животного, нарисованного на светлой стене напротив, предположил он.

– Да, – подтвердила Этьена, – держись, – схватив его за руку, успела предупредить она.

Жан почувствовал что-то, похожее на взлет на качелях. Сердце его замерло и ухнуло вниз, стены закрутились и... он очутился в почти такой же, подсвеченной зеленью, темноте и судорожно втянул ноздрями всё тот же затхлый пещерный воздух.

– Всё? – не веря себе, хрипло прошептал он.

– Да, – отпуская его руку, таким же шепотом подтвердила Этьена, – ты как?

– Не знаю... – ещё не разобравшись в своих ощущениях, на октаву выше произнес Доре, – кажется, всё на месте, – пользуясь темнотой, он поднял руки и ощупал свои плечи, – знаешь, в этот раз всё было как-то по другому... легче, что ли...

– Надеюсь, – устало проговорила невидимая в темноте Этьена.

– А ты как? – помятуя, что произошло с ней после первого переноса, забеспокоился мужчина.

– Я... – начала и, прерванная сигналом, опять схватила его за руку Этьена, – пошли, – втягивая его в стену между огнями, завершила она.

– На утро я заказала дорожную карету.

– Карету?

«Естественно, карету, – тут же напомнил себе Доре, – железную дорогу, наверное, ещё и строить не начали».

Этьена бесцельно прошлась по комнате, остановилась перед большим зеркалом, критически осмотрела себя: отделанное тесьмой элегантное дорожное платье, стянутая в рюмочку талия, высокая прическа.

– В этом периоде женская мода достаточно симпатична, но ужасно неудобна.

Жан встал сзади, поверх женского плеча окинул взглядом получившуюся картину.

«Полтора года назад ты также стоял сзади и улыбался», – с внезапной болью подумала Этьена.

Полтора года назад... тогда ей казалось, что между ними что-то изменилось... или могло измениться, если бы...

«Я сама виновата, – в который раз повторила она, – сама всё испортила».

Она резко отвернулась и, словно заинтересовавшись чем-то, ушла от зеркала в глубину комнаты.

Оставшись один, Доре внимательно, как чужое, оглядел своё отражение: обтянутые темно коричневым сукном плечи казались ещё шире, талия – уже, а фигура – стройнее.

Этьена не выдержала, и тоже украдкой окинула его взглядом: «Вот кому дорожный костюм действительно подходит!»

– Ощущение, как на премьере, – Доре поправил воротничок, оттянул манжеты, – что будем делать в Париже?

– Что и все, – пожала плечами Этьена, – ходить на приемы, танцевать, флиртовать...

– Даже так? – мужчина насмешливо изогнул брови.

– Конечно, у нас же респектабельный брак по расчёту....

«По расчёту?! – мысленно взбеленился мужчина, – набью морду каждому, кто к тебе сунется!»

- ... и наблюдать.
- Леса, леса и леса! – шестой раз выйдя во время, возмутился Доре, – ты что, специально их выбираешь?
- Конечно, – подтвердила Этьена, – так меньше риска для окружающих.
- Каких? – театрально взмахнув руками, словно обнял окружающие его деревья мужчина, – бьюсь об заклад, что здесь на сотни миль нет ни одной разумной собаки!..
- На тысячи, – поправила его Этьена, – поэтому риск минимальный.
- Великолепно! – подтвердил Доре, – я только не пойму, зачем вообще надо было устраивать здесь дверь?
- Выход, – опять поправила Этьена, – он был создан ради столицы, которая здесь появится.
- Здесь? – изумился Доре, – в глухой Сибири?
- Это не Сибирь. Сибирь вон там, – махнула рукой Этьена, – в третьем тысячелетии здесь будет столица трансконтинентального государства...
- Зато сейчас ничего кроме елок... – не дослушав, скривился мужчина.
- О... о... – вдруг напряженно замерла Этьена.
- Они? – на полслове задохнулся мужчина.
- Да, – хватая его за руку, подтвердила она, – уходим.
- Принесли ужин.
- Этьена ушла в свою спальню, Доре опять вернулся к окну.
- Кажется, в комнате напротив уже никого не было...
- Хотя, нет...
- Был.
- Точнее, была.
- Заметив, что на неё смотрят, женщина вышла из-за шторы и поощрительно улыбнулась.
- Жан замер.
- Женщина медленно, не сводя с него глаз, провела пальцем по стеклу.
- ... благодарю, мадам.
- Жан нервно вздрогнул, скосил глаза к плечу, где, держа в руке промокшие женские ботинки, горничная закрывала дверь спальни.
- Лакей накрыл на стол.
- Он опять обернулся к окну, но незнакомка уже исчезла.
- Мадам собирается ужинать? – стесняясь застывшего у стола человека, громко проговорил Доре.
- Уже иду, – вышла из спальни Этьена, уже успевшая сменить дорожный костюм на светлое домашнее платье, – ты не против, если сегодня мы обойдемся без лакея?
- Более чем...
- Официант поклонился и вышел.
- Доре подсел к столу, придирчиво осмотрел поданные блюда:
- Всё точно.
- Что точно? – села на своё место Этьена.
- Жареные цыплята, – указал на свою тарелки Доре, – в каждой паршивой пьесе, в каждой паршивой гостинице на ужин обязательно подают жареных цыплят. Этих хоть можно съесть. Кстати, – минутой позже сообщил он, – вполне даже неплохо. Эй! – заметив, что она не ест, а только ковыряет вилкой в тарелке, окликнул её мужчина, – с тобой всё в порядке?
- Да...
- «Чёрта с два, в порядке!» – ещё не зная, чего ждать, он отложил вилку, вытер руки салфеткой и швырнул салфетку на стол.
- Выкладывай.

– Женщина напротив...

– И что же – женщина напротив? – неожиданно для себя Жан разозлился, – да, она откровенно строила мне глазки, и что дальше?

– Я не об этом, – Этьена покраснела, – твои личные дела меня не касаются... Вот, – она положила на стол мужские часы на цепочке, – постарайся, чтобы они всегда были при тебе.

– Зачем? – мужчина взвесил часы на ладони, щелкнул крышкой и посмотрел время. По пальцам поползло легкое тревожащее покалывание. Доре поморщился, – что это?

– Это – маяк. Он реагирует на наш повышенный радиационный фон. Мы все излучаем, – видя его удивление, пояснила Этьена, – это наша неотъемлемая черта, как отпечатки пальцев. И вот этот прибор, – Этьена кивнула на часы, – реагирует на неё.

– Радиус действия большой?

– Около ста километров. Это немного, но всё-таки лучше, чем ничего. Маяк способен различать до пяти объектов, если они достаточно разнесены друг от друга. Я настроила его так, – открывая второе дно часов, показала Этьена, – чтобы сигнал на меня был минимальным и ощущался только при открытой крышке. На других он реагирует в любом состоянии. На атавару он должен просто зашкалить.

– Отлично, – Жан засунул часы во внутренний карман, – значит, когда кто-то из них окажется здесь, у нас будет время подготовиться.

– Да.

«А я, – поспешила опустить глаза Этьена – теперь всегда буду знать, где ты находишься».

– Как ты его надеешься вычислить?

– Я ему нужна, следовательно, он тоже будет искать.

– И шансы у нас почти одинаковы.

– Почти...

– Ладно, – Жан перешел к десерту, – попробуй, вкусно.

Позже, сдвинул в сторону кофейные чашки, Этьена выложила на стол темно-вишневую папку.

– Здесь твоё состояние. Доверительные письма к парижским банкирам, документы на владение земель, недвижимостью и серебряными рудниками, приносящими основной доход.

– Это действительно существует?

– Конечно. Всё, абсолютно легально, было оформлено ещё в прошлом веке на имя твоего деда. Твой годовой доход составляет, – Этьена заглянула в бумагу, – чуть больше полумиллиона ливров в год. Это за вычетов расходов на эксплуатацию рудников, оплаты места на нью-йоркской бирже и торговых операции. Из них ты оплачиваешь содержание своей недвижимости в Канаде и полное содержание парижского дома, принадлежащего твоей семье уже больше ста лет, лошадей и свои расходы и частично личные расходы супруги.

– Ого, – между делом усмехнулся Доре, – кажется, я весьма щедр.

– Да, как и полагается представителю старого дворянства. Мои доходы значительно скромнее, но позволяют мне содержать небольшое имение, а также не стесняться в личных тратах. Там, – Этьена кивнула на кожаный портфель, из которого достала папку, – есть полная родословная твоей семьи.

– Хорошо, почитаю на сон грядущей, – Жан задумчиво оторвался от документов, – во всем этом есть одно маленькое «но»... Это, – его палец скользнул по бумаге, – не моя подпись. Я, возможно, смогу изобразить что-то похожее, но повторить один в один едва ли.

– Попробуй, – девушка подтолкнула к нему лист бумаги. Доре усмехнулся, пожал плечами, подтянул к себе чернильницу, обмакнул перо и вывел...

– Черт...

Длинная убористая вязь букв, заканчивающаяся размашистым росчерком, с естественной похожестью повторяла подпись на векселе.

– Откуда?... – Жан бросил ручку и откинулся на спинку стула.
– При подготовке переброса Мозг впечатал в нас всю необходимую информацию.
– В нас? – мужчина недоверчиво сощурился.
– Естественно, – Этьена стала убирать документы в папку, – временные прыжки могут быть достаточно частыми, заучивать информацию некогда, да этого давно уже никто и не делает. Центр получает от сотрудника основные параметры, проводит анализ и впечатывает в сознание необходимые данные, касающиеся его новой биографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.